

Anna F. Litvina

Fjodor B. Uspenskij

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Veneration of Baptismal Saints in Russia in the 16th–17th Centuries

Voprosy onomastiki, 2019, Vol. 16, Issue 3, pp. 9–29

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.028

Language of the article: Russian

Литвина Анна Феликсовна

Успенский Федор Борисович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия

Особенности почитания соименных святых на Руси XVI–XVII вв.

Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 3. С. 9–29

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.028

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
Российской
АКАДЕМИИ НАУК

СТАТЬИ

DOI 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.028
УДК 81'373.231 + 94(470)“1150/16” +
+ 27-36 + 27-564 + 27-558.3

А. Ф. Литвина
Ф. Б. Успенский

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПОЧИТАНИЯ СОИМЕННЫХ СВЯТЫХ НА РУСИ XVI–XVII вв.*

С первых веков христианизации культ того святого, в честь которого человек был наречен, играет совершенно особую роль в практике русского благочестия. Традиция почитания собственных небесных тезок претерпевает определенную эволюцию: если в домонгольское время она тяготеет к известному синкретизму, совокупному почитанию всех одноименных святых (так, носитель имени *Андрей* в XI или в XII столетии мог чтить практически на равных апостола Андрея, Андрея Юродивого, Андрея Критского и Андрея Стратилата, а обладатель имени *Федор* — свв. Феодора Тирона, Феодора Стратилата, Феодора Освященного и др.), то для позднего Средневековья скорее характерна детальная точность и особое внимание к вполне конкретному патрону-тезке, по которому человек получил свое имя. Личный, нерасторжимый характер связи между христианином и его небесным тезкой отныне обеспечивался именно ювелирной конкретикой, предзаданностью их связи; по-видимому, в глазах человека позднего русского Средневековья точное знание, с кем именно из многочисленного сонма святых он связан благодаря своему

---

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 18-01-0040 «Феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». В данной научной работе использованы также результаты проекта «Модели представления прошлого в Средние века и раннее Новое время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

имени, служило залогом надежного функционирования этой связи. С другой стороны, на фоне такой аналитической точности в XVI–XVII вв. складывается тенденция, когда одно и то же лицо чтит одновременно своеобразную небесную пару — своего изначального покровителя и соименного ему собственно русского святого, чаще всего новопрославленного. Предполагается, что русский святой и его земной подопечный изначально получили свои календарные имена по одному и тому же небесному покровителю. При этом как правило просматриваются некие особые причины географического и/или биографического свойства, связывающие человека именно с этим «новым» святым. Тому, как был устроен этот обычай, эксплуатировавший ресурсы двойной соименности и сочетавший древние и инновационные черты, какое место он занимал в религиозном обиходе людей этой эпохи, и посвящена данная работа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: средневековая Русь, имянаречение, крестильное имя, церковный календарь, культ святых, почитание личных небесных покровителей, меморативные практики.

Разнообразное и многоплановое почитание личных святых покровителей, своих небесных тезок, является отличительной чертой русского благочестия, равно характерной как для домонгольского времени, так и для того периода, который с достаточной степенью условности можно назвать поздним Средневековьем. Храмы, посвященные свв. Андреям, Дмитриям, Василиям, Федорам или Георгиям, построенные на средства обладателей этих имен, с одинаковым усердием возводились на Руси как в XI в., так и в веке XVII; образы тезоименитых святых во всякое время становились частью семейного наследия, передаваемого из поколения в поколение; украшая богородичную икону или жертвуя на роспись монастырской церкви, не забывали включить в общую композицию фигуры собственных небесных патронов.

При этом в культе патрональных святых едва ли не с самого начала присутствовали две то противоборствующие, то переплетающиеся тенденции — обобщающего синкретического накопления и сугубо выверенной, точной и адресной дифференциации. С одной стороны, существовало представление, что всякому человеку предпочтительнее иметь побольше собственных заступников, с другой же стороны, личный, нерасторжимый характер связи между христианином и его небесным тезкой обеспечивался именно ювелирной конкретикой, предзаданностью их связи. По-видимому, в глазах человека Средневековья точное знание, с кем именно из многочисленного сонма святых он связан благодаря своему имени, служило залогом надежного функционирования этой связи.

На первых порах синкретизм и накопление были, как кажется, важнее — носитель имени *Андрей* в XI или XII столетии мог чтить практически на равных апостола Андрея и, скажем, Андрея Юродивого, Андрея Критского и Андрея Стратилата [ср.: Литвина, Успенский, 2006, 111–131]. Давая внуку христианское имя деда, не всегда заботились о том, чтобы их покровителем оказался один и тот же небесный обладатель этого имени, — дело было, разумеется, отнюдь

не в небрежности, а скорее в уверенности, позволявшей считать, что личный покровитель деда и так не оставит без попечения его внука и тезку. Однако уже на этих ранних этапах устанавливается чрезвычайно важная для Руси практика празднования именин, выделяющая в календаре один совершенно определенный день, связанный с памятью одного совершенно определенного святого. Дата празднования именин недвусмысленно демонстрирует, что празднующий наречен, к примеру, в честь Федора Тирона, а не Федора Стратилата, Федора Чудотворца, Федора Начертанного или кого-либо еще из многочисленных свв. Федоров месящеслова. Такая точность соотношения важна на всем протяжении жизни человека и после его смерти — именно в день поминаения его небесного тезки будут в свое время поминать и его самого, к этому дню будут приурочены задравные и заупокойные службы и корма, ради которых его семья дает вклады в церкви и монастыри.

Начиная с XIII в., а тем более позднее, на излете Средневековья, пресловутая календарная точность, связанная с почитанием строго определенного святого тезки, лишь возрастает. Весьма сильной и заметной становится, в частности, тенденция нарекать ребенка непосредственно в честь святого, в день памяти которого он появился на свет. В таком случае его связь с этим святым воспринимается провиденциально, как результат выбора, совершенного не людьми, но Божьим промыслом. Однако имя, выпавшее новорожденному таким образом, зачастую может оказаться совершенно не подходящим по семейным, родовым или социальным соображениям. В подобной ситуации можно попросту подобрать ему другое имя, а можно снабдить его сразу двумя — более приемлемым для семьи и соответствующим дате рождения. Последний сценарий, сценарий христианской двуименности, оказывается достаточно популярным и полностью соответствует старинному принципу накопления и совместного почитания небесных патронов-тезок. Однако эти линии культа патрональных святых совпадают далеко не полностью, — как правило, обладатель двух календарных имен, например *Александр* и *Меркурий*, чтит в качестве своих небесных патронов строго определенного св. Александра и строго определенного св. Меркурия, а отнюдь не всех святых с этими именами.

С другой стороны, на фоне столь выверенной календарной точности позднего русского Средневековья в середине XVI — XVII в. намечается совершенно особая практика, подразумевающая, как встарь, личное почитание сразу нескольких соименных святых. Казалось бы, воцарившееся в эту эпоху стремление к скрупулезной детализации каждого акта благочестия, соотношение всякого события, а уж тем более — факта имянаречения, с церковным календарем, не оставляет места для подобного смешения и слияния. Тем не менее мы можем продемонстрировать некоторую коллекцию примеров, когда подобное объединение фигур святых тезок все же совершается, да так, что невозможно заподозрить здесь ни ошибку, ни случайное стечение обстоятельств.

Пожалуй, наиболее выразительна в этом отношении история поименования Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, скончавшегося в 1625 г. [Николаева, 1958, 103, № 16; ДРВ, 16, 319]. Судя по дошедшим до нас данным, *Дмитрий* было единственным христианским именем князя. Наречен он был почти наверняка самым естественным и тривиальным образом — в честь Дмитрия Солунского, издревле любимого и почитаемого на Руси святого, личного небесного покровителя множества русских князей, от одного из старших сыновей Ярослава Мудрого до самого младшего сына Ивана Грозного. Во всяком случае, помянуть Трубецкого предписывалось именно 26 октября [Шаблова, 2012, 118, л. 162 об.], в день памяти солунского мученика, а в 1611 г. в Туле «по грамотѣ князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкаго» была возведена Кресто-Воздвиженская церковь с приделом, посвященным Дмитрию Солунскому [Троицкий, Арсеньев, 1888, 204–207]¹.

Когда Трубецкой скончался, его вдова Анна Васильевна (урожденная Воронцова) пожертвовала в Троице-Сергиев монастырь — традиционное место погребения семьи — целый ряд предметов облачения². Среди них имелась фелонь с серебряными дробницами, а на дробницах этих, в полном соответствии с обычаем, были представлены, в частности, изображения соименных донаторам святых, их небесных покровителей. Соответственно, мы находим здесь образ Анны, матери Пресвятой Богородицы, приходившейся небесной тезкой княгине, и — несколько неожиданно — образ царевича Дмитрия, который был официально канонизирован в 1606 г. [Спирина, 2007, 317; ср.: Свирин, 1926, 29–30, № 12; Николаева, 1969, 162–163, № 83; Манушина, 1983, 103–105, № 42].

Будучи причисленным к лику мучеников, погибший в Угличе отрок немедленно оказывается в числе любимых и почитаемых святых на Руси, его фигура сразу же задействуется в имянаречении. Так, по царевичу, со всей очевидностью, был назван родившийся около 1612 г. Дмитрий Андреевич Строганов, неоднократно дававший иконы своего патронального святого в качестве вклада в различные церкви. Однако скончавшийся в 1625 г. князь Дмитрий Тимофеевич никак не мог быть крещен во имя царевича Дмитрия, последнего сына Ивана Грозного, — ко времени его прославления Трубецкой уже был совершенно взрослым человеком. Почему же фигура царевича появляется на дробнице?

По всей видимости, здесь имели значение сразу несколько факторов. Об одном из них мы уже упомянули: Дмитрий Угличский — это собственно русский святой, прославленный, так сказать, здесь и сейчас, при жизни и на глазах князя Трубецкого. С другой стороны, у новопрославленного святого и князя был один и тот же небесный покровитель, оба они были наречены в честь Дмитрия

¹ В тульской церкви имелся и образ св. Дмитрия [Троицкий, Арсеньев, 1888, 209–210], однако был ли он туда помещен самим князем Трубецким, членами его семьи или кем-то еще, мы не знаем.

² Анна Васильевна, несомненно, была второй женой князя (о двух женах Дмитрия Тимофеевича Трубецкого см., в частности, [Кобеко, 1903]). Первая из них, Мария Борисовна, скончавшаяся в 1617 г., погребена в Троице-Сергиевом монастыре [Николаева, 1958, 106, № 20].

Солунского. Быть может, именно это полное совпадение, своеобразная общность в пребывании под патронатом одного и того же небесного тезки превращали царевича в личного заступника князя.

Вообще говоря, за фигурой царевича Дмитрия и после его канонизации отчетливо просматривается образ Дмитрия Солунского, который занимает совершенно особое место среди русских княжеских патронов. В самом деле, очень долго в русских месяцесловах он был единственным святым с этим именем, и еще дольше (вплоть до XVI в.) всех довольно многочисленных правящих Рюриковичей, обладавших именем *Дмитрий*, нарекали исключительно в его честь. На Руси же в целом бытование имени *Дмитрий* являет собой весьма редкий, если не уникальный пример нагляднейшего контраста между предельной раритетностью Дмитровских дней в месяцеслове и чрезвычайной его популярностью в имянаречении. В историографических сочинениях начала XVII столетия тезоименитство царевича Дмитрию Солунскому становится своеобразным элементом панегирика убиенному в Угличе отроку³, а на иконе строгановского письма, возможно, имеющей отношение к уже упоминавшемуся Дмитрию Строганову, Дмитрий Угличский изображен рядом со своим небесным покровителем Дмитрием Солунским [Ровинский, 1856, 23].

Подчеркнем, что при этом царевич Дмитрий как новопрославленный святой становится своего рода новым небесным заступником для всех тех, кто уже прежде был наречен в честь иных Дмитриев. Очень выразителен и одновременно загадочен в этом отношении золотой оклад к иконе Николы Зарайского, выполненный по заказу царя Василия Шуйского в 1608 г. Здесь присутствуют изображения св. Василия Великого (патрона царя) и сразу трех Дмитриев: Дмитрия Солунского, Дмитрия Прилуцкого (?) и Дмитрия Угличского [ср.: Изергин, 1885, 80; Шереметев, 1891, 13–15; Шакурова, 1987, 21–23, 47–48, илл. 20, 21]. Украшение образа, как известно, было связано с событиями Смутного времени, захватом и освобождением Зарайска. Дмитрий Солунский был одним из покровителей Дмитрия Пожарского, а весьма вероятно, и царского брата — Дмитрия Шуйского. Дмитрий Прилуцкий мог приходиться небесным патроном протоиерею Зарайского Никольского собора Дмитрию, по преданию, рассказавшему царю о случившемся в Зарайске [Шереметев, 1891, 14]. Царевич же Дмитрий, в честь которого не мог быть наречен никто из перечисленных лиц, оказывался своеобразным гарантом праведности их миссии и олицетворением победы над всеми Лжедмитриями.

---

³ Весьма характерно, например, что в «Ином сказании», одном из многочисленных исторических повествований того времени, в одном месте вполне закономерным образом отмечается, что царевич Дмитрий тезоименит Дмитрию Солунскому, а в другом слово *тезоименитый* применяется в качестве самостоятельного похвального эпитета, без указания на то, кому, собственно, царевич соименен [РИБ, 13, 5, 9].

Быть может, именно политические ассоциации такого рода стали еще одной причиной, заставившей семью Дмитрия Тимофеевича Трубецкого особенно чтить фигуру этого его небесного тезки. В биографии князя имелся по меньшей мере один не слишком приятный эпизод — князь был в числе тех знатных людей, кто в свое время отъехал в лагерь Лжедмитрия II, будучи недоволен правлением царя Василия Шуйского. Позднее, после смерти тушинского самозванца, он был одним из организаторов ополчения, за что в конце концов получил своеобразный титул «Спаситель отечества». Почитание царевича Дмитрия исключало всякую возможность веры в легитимность каких бы то ни было самозванцев и призвано было окончательно предать забвению давнюю службу Лжедмитрию II.

Существенно, однако, что подобные прецеденты почитания сразу двух соименных святых в эту эпоху связаны не с одной только фигурой св. Дмитрия Угличского. Знаменитого Малюту Скуратова († 1573), который в крещении получил имя *Григорий*, предписывалось поминать, как и многих людей его ранга, дважды в год — в день кончины (1 января) и 30 сентября, когда церковь отмечает память св. Григория, просветителя Армении [Антонова, 1974, 66; Щенникова, 2008, 178, 196, л. 171 об.]. К этому же дню со временем (в 1549 г.) была приурочена память собственно русского святого, Григория Пельшемского, жившего в середине XIV — первой половине XV в. Малюта / Григорий, появившийся на свет до официальной канонизации основателя Пельшемской обители, скорее всего, был наречен по просветителю Армении. Впрочем, возможность крещения в честь местночтимого на тот момент св. Григория Пельшемского все же нельзя исключить полностью.

Вместе с тем, Иван Грозный распорядился устраивать еще один корм по Малюте, приурочив его к 25 мая, когда церковь отмечает память св. Григория, чудотворца Печерского [Башнин, Корзинин, 2017, 178–179; ср.: Антонова, 1974, 67; Щенникова, 2008, 178]. Время прославления этого последнего св. Григория доподлинно неизвестно, — во всяком случае, в древнейшем помяннике Киево-Печерского монастыря 1482 г. его еще нет, а в «Анфологионе» 1619 г. его память уже обозначена под 25 мая. Под этим же днем он фигурирует и в месяцеслове Симона Азарьина, келаря Троице-Сергиева монастыря, составленном в середине XVII столетия. Таким образом, свидетельство о грозненской инициативе «удревняет» историю его почитания в Московской Руси по крайней мере на несколько десятилетий.

Едва ли, однако, царь мог не знать, что именины его любимца приходились на другой день — 30 сентября. Тем не менее он счел нужным посмертно связать его с еще одним, собственно русским святым. Не исключено, что Грозный был так или иначе причастен к установлению культа Григория Печерского чудотворца и стремился подчеркнуть и упрочить его место в месяцеслове и силу заступничества за тезок. Для такого знатока отечественной истории на троне, каковым был Иван Грозный, особую роль в выборе этой даты могло играть и житийное предание, связанное с Григорием Чудотворцем. Как известно, этот смиренный пострижник Феодосия Печерского, отправившись к Днепру за водой, неожиданно

столкнулся с дружиной молодого князя Ростислава Всеволодича (брата Владимира Мономаха). Он призвал их к покаянию и предсказал скорую смерть в воде, за что сам был утоплен дружинниками. На следующий день, 26 мая, князь вместе со своими воинами и впрямь утонул во время отступления после битвы с половцами, а на третий день тело святого со связанными руками и ногами и камнем на шее было чудесным образом обретено в его же собственной келье. Тот специфический склад ума, которым отличался царь Иван, позволяет осторожно допустить, что он сознательно соположил этот агиографический сюжет с жизненным путем Малюты Скуратова.

В целом же мы видим контуры уже знакомой нам ситуации: объектом почитания оказываются сразу двое святых тезок — тот, в честь кого человек был крещен, и соименный новопрославленный собственно русский святой, которого с его земным тезкой связывают, возможно, какие-то особые знаки или обстоятельства. Правда, в последнем примере мы не знаем и едва ли сможем узнать наверняка, был ли патроном Григория Чудотворца Григорий просветитель Армении, в честь которого, по всей вероятности, крестили Малюту Скуратова, и что полагал на сей счет Иван Грозный.

Немаловажно, однако, что в грозненское время не только царь обращал особое внимание на культ новопрославленных тезок. Возможно, к интересующему нас сюжету имеет самое непосредственное отношение история пожертвования, сделанного женой Ивана Михайловича Шуйского († 1559). Судя по записи в синодике новгородского Софийского собора, она дает вышитый ею покров в церковь Иоанна Предтечи:

...лета 7056-го <1548>. При сем же пресвященнем архиепископе Феодосии Великого Новаграда и Пскова тая же княгиня Ксения, княже Иванова Михайловича Шуйского, шила покров десяти пядей образ иже въ святых отца нашего Иоанна архиепископа новгородскаго новаго чюдотворца златом и серебром и шолки различными цветы. И на праздник Въскресения Христова на Святую Пасху положила на гробе чюдотворца Иоанна архиепископа Новгородскаго въ храме святого и славнаго пророка и Предотеча Крестителя Господня Иоанна за здравие князя Ивана Михайловича, и за свое, и за своих благородных чяд. А по преставлении князя Ивана и княгини Ксении поминати их во все Сенаники и в Литеи въ веку въ церкви Святыя Софья Премудрости Божиа и въ храме святого Иоанна Предотеча Крестителя Господня, идеже лежат честныя и многочюдесныя мощи иже въ святых отца нашего Иоанна архиепископа новгородскаго новаго чюдотворца [Шаблова, 2017, 110, л. 166; ср. также: Миролюбов, 2, 312].

Упомянутый здесь архиепископ Иоанн в Новгороде почитался к 1548 г. около столетия, но — судя по характеристике «новый чудотворец» — для вкладчицы было чрезвычайно существенно, что буквально только что его святость, а соответственно, и общерусское почитание были утверждены на соборе 1547 г. [ср.: Преображенский, 2010, 124]. «Москвич» Иван Шуйский, связанный с Новгородом

не по рождению, а лишь по службе, едва ли мог быть за много лет до этого крещен непосредственно в честь архиепископа Иоанна, а вот его знакомство с культом этого святого могло быть довольно близким, поскольку как раз в пору его канонизации князь был новгородским наместником.

Пожертвование покровы на гробницу новопрославленного святого нередко было своего рода благодарением за свершенное им чудо, однако в данном случае в записи о вкладе нет никаких упоминаний об этом — речь скорее идет о том, что Иоанн Новгородский станет заступником Ивана Михайловича и его семьи при жизни и после смерти. Для выбора такого покровителя не просматривается, как кажется, иных причин, кроме той, что они с князем — тезки. Мы не знаем в точности, ни во имя кого из свв. Иоаннов был крещен Шуйский, ни во чье имя в свое время был пострижен с именем *Иоанн* будущий новгородский владыка. Существенно, однако, что гроб архиепископа находился в Софийском соборе, в приделе Иоанна Предтечи, который перестраивался и освящался одновременно с созданием нового надгробия новгородскому святому. Более того, новый придел был освящен во имя Иоанна Предтечи 7 сентября, в день памяти Иоанна, архиепископа Новгородского. Таким образом, в глазах современников Макариевских соборов новый чудотворец был прочно и неразрывно связан именно с Иоанном Предтечей или, формулируя несколько иначе, независимо от того, знали ли они о его прижизненном участии в строительстве Предтеченского храма на Опоках в 1184 г., новгородский архиепископ был для них Предтеченским тезкой.

Нельзя ли допустить, что Иван Михайлович Шуйский был в свое время наречен в честь Иоанна Предтечи, едва ли не самого «главного» из свв. Иоаннов месяцеслова, излюбленного патрона Рюриковичей и личного небесного покровителя царя Ивана Грозного? В таком случае княгиня Ксения своим подношением в церковь «святого и славнаго пророка и Предотеча Крестителя Господня Иоанна» ко гробу Иоанна «новаго чудотворца» обеспечивает своему мужу Ивану и семье заступничество, так сказать, сразу по всем возможным направлениям.

Быть может, по такой же модели был устроен культ личных патрональных святых и у жившего много позже князя Ивана Петровича Бярятинского (Борятинского) († 1701), хотя этот казус куда более неопределенный и гипотетический. История личного благочестия Бярятинского оказывается более многомерной уже из-за того, что князь был, судя по всему, обладателем не одного, а двух мирских христианских имен⁴. *Иваном*, вне всякого сомнения, он звался в своей публичной

---

⁴ О феномене светской христианской двуименности в допетровской Руси см. подробнее: [Лихачев, 1900; Туников, 1903/2005, 75–76; Успенский, 1996; Соловьева, 2002; 2006; Литвина, Успенский, 2006, 175–214; 2018а; 2018б; 2018в; 2018г; 2018д; Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., 2017]. Упомянем, кроме того, некоторые работы, где светская христианская двуименность так или иначе выделяется как самостоятельное явление: [Морошкин, 1863, 528–529; Харузин, 1899, 170–171; Эскин, 2000, 144; 2013, 10–11, 18–19; Шаблова, 2012, 67–70; Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., 2017, 74–77, 108–112]. О вкладах и ктиаторской деятельности князя Бярятинского см.: [Свирилин, 1859, 35–38].

жизни. Обращает на себя внимание, однако, что мирское *Иоанн* никак не коррелирует с именем *Ефрем*, полученном им при постриге в Переславском Даниловом монастыре. В ту пору иноческие имена чаще всего подбирались по созвучию с именами крестильными [Литвина, Успенский, 2018 г; ср. также: Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., 2017, 110–112], и это само по себе заставляет заподозрить, что в крещении Бярятинский *Иоанном* не был.

Подозрения эти укрепляются еще более, если учесть, что после кончины князя-инока его родственник и монах той же обители, Андрей Иванович Салтыков, в монашестве — *Антоний*, воздвиг над гробом Бярятинского «ради поминовения души его» деревянную церковь, посвященную св. Евфимию. Имя *Евфимий* как нельзя лучше соответствует монашескому *Ефрем*, а в обычае той эпохи было посвящать надгробные церкви в монастырях в первую очередь небесным патронам по крестильному имени⁵. Все это в совокупности дало повод уже одному из исследователей XIX столетия утверждать, что князь отдавал дань св. Евфимию как «своему ангелу по мирскому имени» [Ратшин, 1852, 27]. Сейчас, когда наши знания о бытовании и принципах функционирования христианской двуименности существенно расширились, это утверждение выглядит еще более правдоподобным.

Таких антропонимических ситуаций, когда мирская христианская двуименность не засвидетельствована напрямую, но по косвенным данным может быть восстановлена с весьма высокой степенью вероятности, в XVI–XVII вв. очень много [см., например: Литвина, Успенский, 2018а; 2018б; 2018в]. Не так просто разобраться, однако, о патронате какого именно св. Евфимия в случае Бярятинского следует говорить. При жизни (и, по-видимому, еще будучи мирянином) князь, в 1695 г., на свои средства воздвигает церковь во имя Похвалы Божия Матери, с приделом, посвященным преподобному Евфимию, Суздальскому чудотворцу [Павел Подлипский, 1834/2013, 5–6; Ратшин, 1852, 27; ср.: Добронравов, 1908/2008, 155, *прил.*, № 13]. Особое отношение к Евфимию Суздальскому как будто бы лишний раз подтверждается и тем обстоятельством, что, согласно монастырской описи, сделанной в год смерти князя (1701 г.), в соборной Троицкой церкви имелся местный «образ преподобнаго Евфимия Суждальскаго чудотворца» [Добронравов, 1908/2008, 271, л. 374 об.].

---

⁵ В этом отношении весьма характерны две надгробные церкви в Кирилло-Белозерском монастыре. Одна из них, во имя св. Епифания Кипрского, поставлена над гробом князя Федора Андреевича Телятевского († 1645), который носил имя *Епифаний* в крещении [Литвина, Успенский, в печати]. Другая же, посвященная равноапостольному князю Владимиру, была возведена над могилой Владимира Ивановича Воротынского († 1553) [Сахаров, 1851, 56] и со временем стала родовой усыпальницей этих князей.

Надгробная же церковь, воздвигнутая по Бярятинскому старцем Антонием в 1715 г., была посвящена, судя по всему, св. Евфимию Великому⁶. Весьма вероятно, таким образом, что в честь именно этого древнего святого *Иван / Евфимий* и был крещен. Евфимия же Суздальского он, скорее всего, чтит как своего святого тезку, основателя одной из самых крупных и известных в этих краях обители. Вотчины Бярятинских находились близ Переславля-Залесского, так что эти князья были естественным образом связаны со святынями нижегородско-суздальских земель.

Был ли Евфимий Великий патроном Евфимия Суздальского — доподлинно неизвестно, однако в XVII в. такое допущение могло приниматься за данность, поскольку св. Евфимий Великий был куда более известен и значим, чем, скажем, св. Евфимий, епископ Сардийский, а свв. Евфимий Новгородский и Евфимий Новый по времени никак не годились в небесные покровители Евфимию Суздальскому. В памяти потомков основатель суздальского монастыря остался именно как *Евфимий*, — по всей видимости, это было его иноческое имя, при этом никакого другого именованя агиографические источники не сохранили вовсе. Вполне вероятно, таким образом, что в случае князя Бярятинского мы имеем дело все с тем же своеобразным благочестивым треугольником, когда обладатель имени *Евфимий* надеется и на покровительство древнего святого, в честь которого он был крещен, и на поддержку собственно русского небесного тезки, с которым их объединяет общий патрональный святой.

В целом же все перечисленные выше казусы дают возможность увидеть общий контур этой традиции, несколько отступающей от доминирующих тенденций эпохи. Итак, речь идет о почитании человеком или его семьей сразу двух небесных тезок. Один из двух соименных святых — тот, в честь кого он был наречен, тогда как другой — святой собственно русский, чаще всего (хотя и не обязательно) недавно прославленный, из числа тех, кто, по удачному выражению А. С. Преображенского [2010, 124], «особенно активно творит чудеса, а с другой стороны, еще не избалован вниманием донаторов». Предполагается, что русский святой и его земной подопечный изначально получили свои календарные имена

---

⁶ Посвящение надгробной церкви в Даниловом монастыре св. Евфимию заставило Л. Б. Сукину [2015, 293] высказать осторожное предположение, что *Евфимий* — это не что иное, как велико-схимническое имя Бярятинского, принятое незадолго до кончины. Первым, однако, такую гипотезу высказал А. И. Свирилин: «Почему при гробе кн. Бярятинского устроена была церковь именно во имя св. Евфимия Великого? Ни в одной бумаге монастырской не объясняется этого. Можно сделать одну догадку: <имя> кн. Бярятинскому в монашестве было *Ефрем*, и как он пред смертью принял схиму, — то, быть может, в схиме и назвался *Евфимием*» [Свирилин, 1860, 110, прим.]. В работе В. Г. Добронравова [1908/2008, 113, прим. 1] говорится о посвящении интересующей нас церкви над могилой старца Ефрема св. Евфремию (sic!) Великому, под которым подразумевается, надо полагать, св. Евфимий Великий (память — 20 января). Никто из этих исследователей не учитывает традицию светской христианской двуименности на Руси и не рассматривает возможность того, что имя *Евфимий* было у Бярятинского мирским.

по одному и тому же небесному покровителю. При этом, как правило, просматриваются некие особые причины географического и/или биографического свойства, связывающие человека именно с этим «новым» святым.

Последнее обстоятельство вроде бы сближает интересующую нас практику с различными культами святых, не имеющих прямого отношения к имянаречению (с почитанием местных чудотворцев, с почитанием угодников, «специализирующихся» на каком-либо типе чудес или исцелений, с особым отношением к святым, на день памяти которых пришлось то или иное значимое событие, и т. д. и т. п.). Однако во всех рассмотренных случаях определяющая роль явно принадлежит соименности трех участников ситуации, а не какому-то иному функциональному параметру или происшествию. Любопытно также, что всюду дата поминовения собственно русского, — так сказать, «младшего» — святого не совпадает с днем празднования его древнего патрона-тезки, хотя в целом календарная традиция нередко приурочивает первое к последнему⁷. В нашем же сценарии земной тезка или его семья как бы приобретают еще один дополнительный день в году, когда уместно молиться за здоровье и за упокой того, по ком делались вклады.

Насколько распространена была в XVI–XVII вв. подобная традиция, эксплуатирующая ресурсы двойной соименности, наверняка сказать трудно. Для фиксации каждого ее образчика в наших руках всякий раз должен оказаться довольно большой набор детализированных данных, а такого рода полное досье отнюдь не всегда возможно собрать по сохранившимся источникам и предметам личного благочестия. Есть целый ряд случаев, где почитание двух соименных святых можно лишь отдаленно предполагать, но на сегодняшний день невозможно твердо отстаивать.

Так, на нижней стороне знаменитого ковчега князя Ивана Андреевича Хворостинина († 1625) имелись три ящичка с мощами св. Гликерии, св. Параскевы и св. Матфея «новомученного во плоти»⁸. Эти же святые упоминаются

---

⁷ Так, мы уже видели выше, что память св. Григория Пельшемского приурочивается к памяти св. Григория просветителя Армении (30 сентября), память Андрея Боголюбского, например, отмечается 4 июля, в день памяти Андрея Критского, память Меркурия Смоленского празднуется в день памяти Меркурия Кесарийского, 24 ноября, память Киево-Печерского игумена Варлаама совпадает с днем памяти преподобных Варлаама и Иоасафа (19 ноября), память благоверного князя Федора Ярославича празднуется 5 июня, в день памяти Феодора Чудотворца, с празднованием Афанасию Великому (31 января) совпадают дни памяти сразу двух русских святых — Афанасия Вологодского и Афанасия Наволоцкого, память Сильвестра Киево-Печерского, жившего в XII в., отмечается 15 января, т. е. тогда же, когда поминается Сильвестр Римский, и т. д. и т. п.

⁸ Этот новый мученик Матфей представляет, вообще говоря, одну из многочисленных загадок в русском пантеоне святых той эпохи. Помимо ковчега князя Хворостинина, имя этого святого встречается на еще одной реликвии московского Благовещенского собора — серебряном кресте-мощевике XVII в. [Моршакова, 2000, 134–136, № 36]. При этом в общерусские месяцесловы празднование его памяти так и не попадает, когда он принял мученическую кончину, наверняка не известно. Обыкновенно полагают, что он был одним из 40 насельников Угличского Паисеева монастыря, убитых поляками в 1609 г. [Мартынова, 2003, 15; Моршакова, 2000, 135].

и в пространной надписи, сделанной по распоряжению князя на верхней стороне ковчега. Св. Гликерия была небесной покровительницей по крестильному имени матери Ивана Андреевича, Елены / Гликерии Хворостининой [Литвина, Успенский, 2018 г, 263–264]. Не мог ли и св. новомученик Матфей быть русским соименником кого-то из его ближайших родичей?

Князь Федор / Митрофан Татев был крещен в честь св. Митрофана, патриарха Цареградского (память — 4 июня). Его семье принадлежали иконы с соответствующими патрональными изображениями. По календарным соображениям вторым личным небесным покровителем князя мог быть один из древних святых — св. Федор Киринейский (4 июня) или Федор Стратилат (8 июня) [Литвина, Успенский, 2019а]. Однако не исключено, что именно этот Федор Татев дает вкладом в суздальский Покровский монастырь икону со святыми князьями ярославскими — Федором и его сыновьями Давыдом и Константином [Шалина, 2018, 70–71]. Нельзя ли допустить, что для князя Татева св. Федор Ярославский был своего рода третьим небесным покровителем, подобно тому как Дмитрий Угличский становился заступником Дмитрия Трубецкого, а Иоанн Новгородский — Ивана Шуйского?

Число таких ускользающих, гипотетических примеров, разумеется, нетрудно было бы умножить, однако это умножение не способно восполнить нехватки надежных и прочных данных относительно каждого конкретного казуса. Кроме того, интересующую нас практику приходится заботливо отделять от тех многочисленных случаев, когда длительное время спустя после кончины того или иного человека (в особенности знатного) возникает разнообразная путаница, связанная с ошибками или даже намеренными изменениями в отождествлении его личных небесных покровителей. Иконография нескольких святых тезок может быть весьма сходной, многочисленные подновления могут приводить к еще большему ее сближению, поясняющие подписи под исходными образами могут неверно читаться и/или воспроизводиться, и т. д. и т. п. В результате же изображение одного св. Федора или св. Василия, выполненное в XVI в., к веку XVII порой трансформируется в фигуру другого святого — как по недоразумению, так и в силу желания потомков или преемников что-то изменить и «поправить» в семейном культе святых. Само по себе такое смешение таит в себе немало загадок и представляет немалый интерес для исследователя⁹, однако та традиция культа соименных святых, которая нас интересует сейчас, зиждется на прижизненном их почитании или на том, что возникает немедленно после кончины их земного тезки. В приведенных выше примерах контраст между новыми и древними заступниками

⁹ Чрезвычайно любопытно, например, почему к XVII в. на знаменитой надгробной иконе Василия III († 1533) появляется изображение самого князя и св. Василия Великого, хотя во множестве источников надежно зафиксировано, что личным княжеским патроном был другой обладатель этого имени — св. Василий Парийский. Об этой иконе см. подробнее: [Горматюк, 2003, 25–28, с указанием литературы].

очевиден как на уровне дат, так и на уровне иконографии, а различия в их эпитетах напрямую явлены в источниках, так или иначе приуроченных ко времени жизни донаторов.

Очевидно, что своим возникновением отмеченная нами практика обязана куда более мощной и обширной тенденции той эпохи — все большей сосредоточенности на культе собственно русских святых и специфическому вниманию к святым новопрославленным. Вместе с тем она отвечает, как уже говорилось, и куда более давнему стремлению к своеобразному коллекционированию личных святых патронов и прекрасно сочетается, к примеру, с традицией светской христианской двуименности, позволяя в иных случаях мирянину уповать сразу на трех тезоименитых ему небесных покровителей.

С другой стороны, одновременное почитание двух небесных тезок, древнего и нового, по-видимому, может оказаться долговечнее традиции христианской двуименности, а иной раз как бы замещать ее и вступать в сложные отношения с ее уцелевшими рудиментами. Быть может, в этом свете стоит заново взглянуть на формирование знаменитых иконостасов московского Архангельского собора, связанных с ранними Романовыми.

Здесь личные небесные покровители русских царей (например, св. Алексей Человек Божий, патрон Алексея Михайловича) и их отпрысков могли быть представлены по несколько раз на иконах разных типов, которые, согласно традиции, заданной в XIX в., называются в исследовательской литературе тезоименитыми, родимыми и гробными, или гробовыми. В числе прочих в иконостасах имелись иконы св. Дмитрия Солунского и царевича Дмитрия, св. Иоанна Белогородского и Иоанна Лествичника. А. Лебедев [1880, 178–182], первым их описавший, а вслед за ним и авторы начала XX столетия [Извеков, 1916, 106–110] полагали, что два изображения разных небесных тезок соотносятся с одними и теми же представителями дома Романовых: Дмитрий Солунский и царевич Дмитрий — с Дмитрием Алексеевичем († 1649), а Иоанн Лествичник и Иоанн Белогородский — с Иваном Михайловичем († 1639). Позднейшие же исследователи, начиная с В. М. Сорока-того [1977, 407–410], твердо исходили из модели «одно лицо — один небесный тезка», зачастую отталкиваясь от нее в атрибуциях и датировках конкретных икон из Архангельского собора [ср. также: Власова, 2002, 244–252; Самойлова, 2003, 360; Цицинова, 2006].

Однако сама комбинация «новый святой + древний святой» наводит на мысль о присутствии другой, уже знакомой нам модели почитания сразу двух небесных тезок — того, в честь которого имя дано непосредственно, и его небесного соименника. Не стоит ли на новом уровне вернуться к этой перспективе благочестивого треугольника, которая казалась вполне приемлемой в XIX столетии? Обратим внимание, что речь необязательно должна идти о передатировке создания той или иной иконы, но скорее о персональных мотивах, побудивших в XVII в. включить ее в иконостас Романовых.

Как известно, новая династия, придя к власти, отказалась от светской христианской двуименности [см. подробнее: Литвина, Успенский, 2019б, 125–126]. Не могло ли быть почитание двух соименных небесных тезок своеобразной компенсацией такого ограничения, призванной умножить число небесных заступников членов царской семьи?

Источники

- ДРВ — Древняя российская вивлиофика / изд. Н. Новиковым : в 20 ч. 2-е изд., вновь испр. М. : Тип. Компании Типографической, 1788–1791.
- РИБ — Русская историческая библиотека / изд. Археографическою комиссиею : в 39 т. Л. ; СПб. ; М. : Печатня В. И. Головина ; Изд. АН СССР, 1872–1927.
- Сахаров 1851 — Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря / публ. И. П. Сахарова // Зап. Отд. рус. и слав. археологии Археол. о-ва. 1851. Т. 1. Отд. 3. С. 46–89.
- Шаблова 2012 — Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках / подгот. текстов и иссл. Т. И. Шабловой. СПб. : Реноме, 2012.
- Шаблова 2017 — Новгородские синодики XIV–XVII веков / подгот. текста, иссл. Т. И. Шабловой. СПб. : Алетейя, 2017.
- Эскин 2000 — Завещание князя Дмитрия Пожарского / публ. подгот. Ю. М. Эскиным // Отеч. история. 2000. № 1. С. 143–157.

Исследования

- Антонова В. И. Волоколамская Богоматерь // Очерки по русскому и советскому искусству: Статьи, публикации, хроника / под общ. ред. Т. М. Коваленской. Л. : Художник РСФСР, 1974. С. 53–77.
- Башилин Н. В., Корзинин А. Л. Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // Рос. история. 2017. № 2. С. 172–188.
- Власова Т. Б. История формирования иконостасов Архангельского собора // Архангельский собор Московского Кремля / сост. и науч. ред. Н. А. Маясова. М. : Художник и книга, 2002. С. 220–258.
- Горматюк А. Царский лик. Надгробная икона великого князя Василия III. М. : ВХНРЦ, 2003.
- Добронравов В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском. Переславль-Залесский : Переславский совет ВООПИиК, 2008.
- Извеков Н. Д. Московский придворный Архангельский собор. Сергиев-Посад : [б. и.], 1916.
- Изергин В. М. Отчет об открытии и деятельности Рязанской ученой архивной Комиссии в 1884 году // Вестн. археологии и истории. 1885. Вып. 2. С. 69–82.
- Кобеко Д. Ф. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой // Изв. рус. генеал. о-ва. 1903. Вып. 2. С. 45–47.
- Лебедев 1880 — Московский кафедральный Архангельский собор / сост. прот. Алексей Лебедев. М. : [б. и.], 1880.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники. М. : Индрик, 2006.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Исчисление имени: светская христианская двуименность XV–XVII вв. и возможности ее реконструкции // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXI Междунар. науч. конф. (Москва, 12–14 апреля 2018 г.) / под общ. ред. Н. Брусиловского и др. М. : ИВИ РАН, 2018а. С. 23–26.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Как звали думного дьяка Ивана Елеазаровича Цыплятева? (Из истории именнаяречения в XVI в.) // «Вертоград многоцветный»: сб. к 80-летию Бориса Николаевича Флори / отв. ред. А. А. Турилов. М. : Индрик, 2018б. С. 387–396.

- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Манифестация связи с правящим домом в женских именах: Ранние Романовы и семья Дмитрия Годунова // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2018в. № 4 (74): Декабрь. С. 63–79.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // *Средневековая Русь*. Вып. 13 / отв. ред. А. А. Горский. М. : Индрик, 2018 г. С. 241–280.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Русская христианская двуименность в филологической перспективе — из ономастического комментария к «Временнику» Ивана Тимофеева // *Slavistična revija*. 2018 д. Letnik 66. Št. 3: julij-september. S. 333–354.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Две иконы из собрания Московского Кремля («Богоматерь Владимирская» и «Спас Вседержитель»): Ономастические ключи к проблеме атрибуции // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXII Междунар. науч. конф. (Москва, 11–12 апреля 2019 г.)*. М. : РГГУ, 2019а. С. 14–18.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции // *Die Welt der Slaven*. 2019б. Jhrg. 64. H. 1. С. 108–127.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Князь Федор Телятевский и его небесные покровители // *Факты и знаки: Исследования по семиотике истории*. Вып. 4 / сост. Б. А. Успенский, Ф. Б. Успенский. *В печати*.
- Лихачев Н. П.* Двойные имена // *Изв. рус. генеал. о-ва*. 1900. Вып. 1. Отд. 1. С. 126–128.
- Миролюбов Макарий*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях : в 2 ч. М. : Тип. В. Готье, 1860.
- Манушина 1983 — *Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея / авт.-сост. Т. Н. Манушина*. М. : Сов. Россия, 1983.
- Мартьянова М. В.* Ковчег Ивана Хворостинина // *Художественные памятники Московского Кремля : материалы и исследования*. Вып. 16 / отв. ред. А. К. Левыкин. М. : Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Московский Кремль», 2003. С. 91–109.
- Морошкин М. Я.* О личных именах у русских и славян // *Изв. Имп. археол. о-ва*. 1863. Т. 4/4. С. 517–533.
- Моришкова Е. А.* Крест-мошевик // *Христианские реликвии в Московском Кремле / ред.-сост. А. М. Лидов*. М. : Радуница, 2000. С. 134–136.
- Николаева Т. В.* Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора // *Загорский гос. историко-худож. музей-заповедник. Сообщения*. Вып. 2. Загорск : [б. и.], 1958. С. 92–106.
- Николаева Т. В.* Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л. : Аврора, 1969.
- [*Павел (Подлипский)*]. Описание Переславского Троицкого Данилова монастыря из подлинных монастырских бумаг, составленное в 1829 году. М. : MelanarĚ, 2013. [Перезд. книги 1834 г. с новой пагинацией.]
- Преображенский А. С.* Надгробные покрова русских святых: К вопросу об иконографии, происхождении и функции // *Церковное шитье в Древней Руси / ред.-сост. Э. С. Смирнова*. М. : Галарт, 2010. С. 101–143.
- Ратишин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М. : Унив. тип., 1852.
- Ровинский Д. А.* История русских школ иконописания до конца XVII века // *Зап. Имп. археол. о-ва*. 1856. Т. 8/1. С. 1–196.
- Самойлова Т. Е.* К истории возникновения традиции написания мерных икон // *Древнерусское искусство: Русское искусство позднего Средневековья, XVI в. / отв. ред. А. Л. Баталов*. М. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 360–366.
- Свирелин А. И.* Князь Иван Петрович Борятинский // *Чтения в О-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те*. 1859. Кн. 2 : Апрель–июнь. Отд. 5: Смесь. С. 33–38.
- Свирелин А. И.* Историко-статистическое описание Переславского Троицкого Данилова монастыря. М. : Тип. В. Готье, 1860.
- Свирин А. Н.* Опись тканей XIV–XVII вв. б. Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев : [б. и.], 1926.

- Соловьёва Т. Б.* Русская антропонимическая лексика конца XV–XVI вв. // *Slavica Gandensia*. 2002. Vol. 29. P. 171–176.
- Соловьёва Т. Б.* К вопросу о дуальности личных имен календарного происхождения в именовании людей в России XVI–XVII вв. // *Памяти Лукичева* : сб. ст. по истории и источниковедению / сост. Ю. М. Эскин. М. : Древлехранилище, 2006. С. 686–696.
- Сорокатый В. М.* Некоторые надгробные иконостасы Архангельского собора Московского Кремля // *Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции* / ред.-сост. О. И. Подобедова. М. : Наука, 1977. С. 405–420.
- Спирина Л. М.* Серебряные лицевые дробницы из облачения духовенства XVI–XVII вв. из бывшего собрания Троице-Сергиева монастыря (К вопросу о значении дробниц в оформлении облачений и их атрибуции) // *Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России* : материалы IV междунар. конф. (29 сент. — 1 окт. 2004 г.) / сост. и отв. ред. Т. Н. Манушина. М. : Индрик, 2007. С. 314–324.
- Сукина Л. Б.* Иван Петрович Барятинский (1615–1701): воевода, дипломат, монах // *Cogito*. Альманах истории идей. Вып. 6 / под ред. А. В. Коренецкого. Ростов н/Д : Foundation, 2015. С. 280–293.
- Троицкий, Арсеньев 1888* — Святые храмы города Тулы / под ред. Н. И. Троицкого и Ю. В. Арсеньева. Тула : Тул. губ. стат. ком., 1888.
- Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М. : Языки славянской культуры, 2005.
- Успенский Б. А.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // *Успенский Б. А.* Избр. тр. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 187–202.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017.
- Харузин Н. Н.* К вопросу об употреблении некалендарных имен в допетровской Руси // *Сб. ист.-филол. о-ва при ин-те князя Безбородко в Нежине*. Т. 2. Нежин : [б. и.], 1899. С. 150–171.
- Цицинова О. А.* О некоторых иконах из надгробных иконостасов Архангельского собора Московского Кремля // *Православные святые Московского Кремля в истории и культуре России* : К 200-летию Музеев Московского Кремля / отв. ред. С. А. Беляев, И. А. Воротникова. М. : Индрик, 2006. С. 137–149.
- Шакурова Е. В.* Русские золотые изделия XIV–XVII вв. // *Русское золото XIV — начала XX века из фондов государственных музеев Московского Кремля* / авт.-сост. С. Я. Ковраская, И. Д. Костина, Е. В. Шакурова. М. : Сов. Россия, 1987. С. 11–87.
- Шалина И. А.* Иконы из ризницы Покровского Суздальского монастыря в собрании Русского музея // *К 25-летию возрождения Свято-Покровского женского монастыря г. Суздаля (1992–2017)* : материалы науч. чтений 13 окт. 2017 г. Суздаль : Свято-Покровский женский монастырь, 2018. С. 51–126.
- Шереметев С. Д.* Зарайск. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1891.
- Щенникова Л. А.* Местночтимая икона «Богоматерь Владимирская» из Иосифо-Волоколамского монастыря и ее заказчик // *Иконографические новации и традиция в русском искусстве XVI века* : сб. ст. памяти Виктора Михайловича Сорокатого / ред.-сост. О. А. Дьяченко, Л. М. Евсеева. М. : Индрик, 2008. С. 173–198.
- Эскин Ю. М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. М. : Квадрига, 2013.

Рукопись поступила в редакцию 27.04.2019

* * *

Литвина Анна Феликсовна

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосемиотических исследований, доцент Департамента истории и теории литературы факультета гуманитарных наук Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
E-mail: annalitvina@gmail.com

Успенский Федор Борисович

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник Лаборатории медиевистических исследований Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
E-mail: fjodor.uspenskiy@gmail.com

Litvina, Anna Feliksovna

PhD, Leading Research Fellow, Laboratory of Linguistic and Semiotic Research, Associate Professor, Department of Literary History and Theory, Faculty of Humanities National Research University Higher School of Economics (HSE)
21/4, Old Basmannaya Str., 105066, Moscow, Russia
Email: annalitvina@gmail.com

Uspenskij, Fjodor Borisovich

DrHab, Corresponding Member of the RAS, Leading Research Fellow, Laboratory for Medieval Studies National Research University Higher School of Economics (HSE)
21/4, Old Basmannaya Str., 105066 Moscow, Russia
Email: fjodor.uspenskiy@gmail.com

Anna F. Litvina
Fjodor B. Uspenskij

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia

VENERATION OF BAPTISMAL SAINTS IN RUSSIA IN THE 16th–17th CENTURIES

From the first centuries of Christianization, the cult of a holy figure after whom a man receives his name has been a stand-out practice among Russian traditions of saints' veneration. The tradition of honoring one's heavenly namesake undergoes a certain evolution: in pre-Mongol times, it gravitates towards the widespread syncretism, the general veneration of all saints of the same name: e.g. in the 9th or 12th century, a man named *Andrei* could venerate Andrei the Apostle, Andrei the Holy Fool, Andrei of Crete and Andrei Stratilate in almost equal manner, and the one named Fjodor could consider the great martyr Theodore Tyrone, Theodore Stratelate or Theodore the Sanctified as his patron, etc. But already in the late Middle Ages, there is a claim for absolute match and a specific focus on a particular saint patron. The unique and inseparable bond between a Christian and his heavenly namesake was ensured precisely by the incredible accuracy and predestination of this connection. Apparently, for the Russian people in the late

Middle Ages, knowing exactly who among the great plenitude of saints the person is paired to, served as the key to the reliable functioning of this connection. On the other hand, this analytical accuracy of the 16th–17th centuries cohabited with a tendency that one person might honor concurrently their original patron and a Russian saint named after him and often newly sanctified. It was assumed that the Russian saint and his earthly ward initially received their calendar names from the same heavenly patron, and, in most instances, it is possible to conjecture some specific reasons of geographical and/or biographical nature that might “relate” the person to this “new” saint. This study focuses on how this tradition of dual veneration of baptismal saints, merging the ancient and the newly introduced features, was functioning and what role it played in the everyday religious practices of this age.

Key words: medieval Russia, naming, baptismal name, church calendar, cult of saints, veneration of personal heavenly patrons, commemorative practices.

Acknowledgements

The study is part of the project 18-01-0040 “The Phenomenon of Secular Christian Dual-Naming in Pre-Petrine Russia” carried out under the Program “Science Foundation of the National Research University Higher School of Economics” (HSE) in 2018–2019 and within the framework of the Russian academic excellence project “5–100”. This research is also based on the outcomes of the project “Patterns for Representation of the Past in the Middle Ages and Early New Time”, carried out as part of the HSE Program of Fundamental Studies in 2019.

- Antonova, V. I. (1974). Volokolamskaia Bogomater' [The Volokolamsk Icon of the Mother of God]. In T. M. Kovalevskaya (Ed.), *Ocherki po russkomu i sovetskomu iskusstvu: stat'i, publikatsii, khronika* [Essays on Russian and Soviet Art: Articles, Publications, Newsreel] (pp. 53–77). Leningrad: Khudozhnik RSFSR.
- Bashnin, N. V., & Korzinin, A. L. (2017). Novye dannye k biografii oprichnika Maliuty Skuratova [New Materials for the Biography of Malyuta Skuratov]. *Rossiiskaia istoriia*, 2, 172–188.
- Dobronravov, V. G. (2008). *Istoriia Troitskogo Danilova monastyr'ia v g. Pereslavle-Zalesskom* [The History of the Trinity Danilov Monastery in the City of Pereslavl-Zalessky]. Pereslavl-Zalessky: Pereslavskii sovet VOOPiK.
- Eskin, Yu. M. (2013). *Dmitry Mikhailovich Pozharsky*. Moscow: Kvadriga.
- Gormatyuk, A. (2003). *Tsarskii lik. Nadgrobnaiia ikona velikogo kniazia Vasiliia III* [The King's Face. Tombstone Icon of Grand Duke Vasily III]. Moscow: VKhNRTs.
- Izergin, V. M. (1885). Otchet ob otkrytii i deiatel'nosti Riazanskoii uchenoi arkhivnoi Komissii v 1884 godu [Report on the Opening and Activities of the Ryazan Scientific Archival Commission in 1884]. *Vestnik arkheologii i istorii*, 2, 69–82.
- Izvekov, N. D. (1916). *Moskovskii pridvornyi Arkhangel'skii sobor* [Moscow Court Archangel Cathedral]. Sergiev-Posad: [s.n.].
- Kharuzin, N. N. (1899). K voprosu ob upotreblenii nekalendarnykh imen v dopetrovskoi Rusi [On the Use of Non-Calendar Names in Pre-Petrine Russia]. *Sbornik istoriko-filologicheskogo obshchestva pri institute kniazia Bezborodko v Nezhine*, 2, 150–171.
- Kobeko, D. F. (1903). Kniaz' Dmitry Timofeevich Trubetskoy [Prince Dmitry Trubetskoy]. *Izvestiia russkogo genealogicheskogo obshchestva*, 2, 45–47.
- Lebedev, A. (Ed.). (1880). *Moskovskii kafedral'nyi Arkhangel'skii sobor* [The Cathedral of the Archangel]. Moscow: [s.n.].

- Likhachev, N. P. (1900). Dvoinye imena [Dual Names]. *Izvestiia russkogo genealogicheskogo obshchestva*, 1, 1, 126–128.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2006). *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki* [The Choice of Names Among Russian Princes of the 10th–14th Centuries: Dynastic History in Anthroponymic Perspective]. Moscow: Indrik.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2018a). Ischislenie imeni: svetskaia khristianskaia dviimennost' XV–XVII vv. i vozmozhnosti ee rekonstruktsii [The Calculus of the Name: Secular Christian Tradition of Dual-Naming of the 15th–17th Centuries and the Possibility of its Reconstruction]. In N. Brusilovskiy et al. (Eds.), *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: materialy XXXI Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 12–14 apreliia 2018 g.)* [Auxiliary Historical Disciplines in Contemporary Research: Materials of the 31st International Scientific Conference (Moscow, April 12–14, 2018)] (pp. 23–26). Moscow: IVI RAN.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2018b). Kak zvali dumnogo d'iaka Ivana Eleazarovicha Tsypliateva? (Iz istorii imianarecheniia v XVI v.) [What Was the Name of the Duma Clerk Ivan Eleazarovich Tsypliatev? (From the History of the Naming in the 16th Century)]. In A. A. Turilov (Ed.), *"Vertograd mnogotsvetnyi": sbornik k 80-letiiu Borisa Nikolaevicha Flori* [A Collection of Works on the 80th Anniversary of Boris Nikolaevich Florya] (pp. 387–396). Moscow: Indrik.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2018c). Manifestatsiia sviazii s praviashchim domom v zhenskikh imenakh: Rannie Romanovy i sem'ia Dmitriia Godunova [Manifestations of Royal Relation in Female Names: the Early Romanovs and the Family of Dmitry Godunov]. *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki*, 4(74), 63–79.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2018d). Russkaia khristianskaia dviimennost' v filologicheskoi perspektive — iz onomasticheskogo kommentariia k "Vremenniku" Ivana Timofeeva [Russian Christian Dual Names from the Philological Perspective — from the Onomastic Commentary on Ivan Timofeev's Chronicles]. *Slavistična revija*, 66(3), 333–354.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2018e). Monasheskoe imia i fenomen svetskoii khristianskoii dviimennosti v dopetrovskoi Rusi [The Monastic Name and the Phenomenon of Secular Christian Dual-Naming in Pre-Petrine Russia]. In A. A. Gorsky (Ed.), *Srednevekovaia Rus'* [Medieval Russia] (Vol. 13, pp. 241–280). Moscow: Indrik.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2019a). Dve ikony iz sobraniia Moskovskogo Kremliia ("Bogomater' Vladimirskaia" i "Spas Vsederzhitel'"): Onomasticheskie kliuchi k probleme atributsii [Two Icons from the Collection of the Moscow Kremlin, "Our Lady of Vladimir" and "Savior the Almighty": Onomastic Keys to the Problem of Attribution]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: materialy XXXII Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 11–12 apreliia 2019 g.)* [Auxiliary Historical Disciplines in Contemporary Research: Proceedings of the 31st International Conference, Moscow, April 12–14, 2018] (pp. 14–18). Moscow: RGGU.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2019b). Khristianskaia dviimennost' v praviashchei dinastii na Rusi: Etapy evoliutsii [Christian Dual-Naming in the Ruling Dynasty in Russia: Stages of Evolution]. *Die Welt der Slaven*, 64(1), 108–127.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (in press) Kniaz' Fedor Teliatvskii i ego nebesnye pokroviteli [Prince Fedor Telyatevsky and his Heavenly Patrons]. In B. A. Uspenskij, & F. B. Uspenskij (Eds.), *Fakty i znaki: Issledovaniia po semiotike istorii* [Facts and Signs: Studies in the Semiotics of History] (Vol. 4).
- Manushina, T. N. (Ed.). (1983). *Khudozhestvennoe shit'e Drevnei Rusi v sobranii Zagorskogo muzeia* [Artistic Embroidery of Ancient Russia in the Collection of Zagorsk Museum]. Moscow: Sov. Rossiia.
- Martynova, M. V. (2003). Kovcheg Ivana Khvorostinina [Ivan Khvorostinin's Ark]. In A. K. Levykin (Ed.), *Khudozhestvennye pamiatniki Moskovskogo Kremliia: materialy i issledovaniia* [Artistic Monuments of the Moscow Kremlin: Materials and Research] (Vol. 16, pp. 91–109). Moscow: Moskovskii Kreml.
- Mirolubov, M. (1860). *Arkheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostei v Novgorode i ego okrestnostiakh* [Archaeological Description of Church Antiquities in Novgorod and the Surrounding Areas] (Vols. 1–2). Moscow: Tip. V. Gautier.

- Moroshkin, M. Ya. (1863). O lichnykh imenakh u russkikh i slavian [On Personal Names of Russians and Slavs]. *Izvestiia Imperatorskogo arkheologicheskogo obschestva*, 4(4), 517–533.
- Morshakova, E. A. (2000). Krest-moshchevik [Reliquary Cross]. In A. M. Lidov (Ed.), *Khristianskie relikvii v Moskovskom Kreml'e* [Christian Relics in the Moscow Kremlin] (pp. 134–136). Moscow: Radunitsa.
- Nikolaeva, T. V. (1958). Nadgrobnnye plity pod zapadnym pritvorom Troitskogo sobora [Tombstones under the Western Porch of the Trinity Cathedral]. *Zagorskii gosudarstvennyi istoriko-khudozhestvennyi muzei-zapovednik. Soobshcheniia*, 2, 92–106.
- Nikolaeva, T. V. (1969). *Sobranie drevnerusskogo iskusstva v Zagorskom muzee* [Collection of Ancient Russian Art in the Zagorsk Museum]. Leningrad: Avrora.
- Podlipsky, P. (2013). *Opisanie Pereslavskogo Troitskogo Danilova monastyria iz podlinnykh monastyrskikh bumag, sostavlennoe v 1829 godu* [Description of the Pereslavl Trinity Danilov Monastery from the Genuine Monastery Papers, Compiled in 1829]. Moscow: MelanarĖ.
- Preobrazhensky, A. S. (2010). Nadgrobnnye pokrova russkikh sviatykh: K voprosu ob ikonografii, proiskhozhdenii i funktsii [Tombstones of Russian Saints: Iconography, Origin and Function]. In E. S. Smirnova (Ed.), *Tserkovnoe shit'e v Drevnei Rusi* [Ecclesiastical Embroidery in Ancient Russia] (pp. 101–143). Moscow: Galart.
- Ratshin, A. (1852). *Polnoe sobranie istoricheskikh svedenii o vsekh byvshikh v drevnosti i nyne sushchestvuiushchikh monastyriakh i primechatel'nykh tserkviakh v Rossii* [A Complete Collection of Historical Information about all the Formerly and the Presently Existing Monasteries and Noteworthy Churches in Russia]. Moscow: Univ. tip.
- Rovinsky, D. A. (1856). Istorii russkikh shkol ikonopisaniia do kontsa XVII veka [The History of Russian Iconography Schools until the End of the 17th Century]. *Zapiski Imperatorskogo arkheologicheskogo obschestva*, 8/1, 1–196.
- Samoilova, T. E. (2003). K istorii vozniknoveniia traditsii napisaniia mernykh ikon [To the History of the Birthmark Icon Tradition]. In A. L. Batalov (Ed.), *Drevnerusskoe iskusstvo: Russkoe iskusstvo pozdnego Srednevekov'ia, XVI v.* [Ancient Russian Art: Russian Art of the Late Middle Ages, 16th Century] (pp. 360–366). Moscow: Dmitry Bulanin.
- Schennikova, L. A. (2008). Mestnochtimaia ikona “Bogomater' Vladimirskaiia” iz Iosifo-Volokolamskogo monastyria i ee zakazchik [The Locally Revered Icon “Our Lady of Vladimir” from the Joseph-Volokolamsk Monastery and its Commissioner]. In O. A. Dyachenko, & L. M. Evseeva, *Ikonograficheskie novatsii i traditsiia v russkom iskusstve XVI veka: sbornik statei pamiati Viktora Mikhailovicha Sorokatogo* [Iconographic Innovations and Tradition in the Russian Art of the 16th Century: a Collection of Articles in Memory of Viktor Sorokaty] (pp. 173–198). Moscow: Indrik.
- Shakurova, E. V. (1987). Russkie zolotyie izdeliia XIV–XVII vv [Russian Gold Jewelry of the 14th–17th Centuries]. In S. Ya. Kovraskaya, I. D. Kostina, & E. V. Shakurova, *Russkoe zoloto XIV — nachala XX veka iz fondov gosudarstvennykh muzeev Moskovskogo Kremliia* [Russian Gold of the 14th — Early 20th Centuries from the Funds of the State Museums of the Moscow Kremlin] (pp. 11–87). Moscow: Sov. Rossiia.
- Shalina, I. A. (2018). Ikony iz riznitsy Pokrovskogo Suzdal'skogo monastyria v sobranii Russkogo muzeia [Icons from the Sacristy of the Intercession Suzdal Monastery in the Collection of the Russian Museum]. In *K 25-letiiu vozrozhdeniia Sviato-Pokrovskogo zhenskogo monastyria g. Suzdalia (1992–2017): materialy nauch. chtenii 13 okt. 2017 g.* [On the 25th Anniversary of the Revival of the Holy Intercession Convent of the City of Suzdal (1992–2017): Proceedings of Scientific Conference, October 13, 2017] (pp. 51–126). Suzdal: Sviato-Pokrovskii zhenskii monastyr'.
- Sheremetev, S. D. (1891). *Zaraisk*. St Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha.
- Solovyev, T. B. (2006). K voprosu o dual'nosti lichnykh imen kalendar'nogo proiskhozhdeniia v imenovanii liudei v Rossii XVI–XVII vv [On the Duality of Personal Names of Calendar Origin in the Naming of Russian People in the 16th–17th Centuries]. In Yu. M. Eskin (Ed.), *Pamiati Lukicheva: sb. st. po istorii i istochnikovedeniiu* [In Memory of Lukichev: Collected Works on History and Source Study] (pp. 686–696). Moscow: Drevlekhranilishche.

- Solovyeva, T. B. (2002). Russkaia antroponimicheskaia leksika kontsa XV–XVI vv [Russian Anthroponymy in the Late 15th–16th Centuries]. *Slavica Gandensia*, 29, 171–176.
- Sorokaty, V. M. (1977). Nekotorye nadgrobnye ikonostasy Arkhangel'skogo sobora Moskovskogo Kremlia [Some Tombstone Iconostases of the Archangel Cathedral of the Moscow Kremlin]. In O. I. Podobedova (Ed.), *Drevnerusskoe iskusstvo: Problemy i atributsii* [Old Russian Art: Problems and Attribution] (pp. 405–420). Moscow: Nauka.
- Spirina, L. M. (2007). Serebrianye litsevye drobnitsy iz oblacheniiia dukhovenstva XVI–XVII vv. iz byvshego sobraniia Troitse-Sergieva monastyria (K voprosu o znachenii drobnits v oformlenii oblachenii i ikh atributsii) [Silver Decorative Plaques from Vestments of the Clergy of the 16th–17th Centuries from the Former Collection of the Trinity-Sergius Monastery (On the Role of Plaques in the Vestments Design and Attribution)]. In T. N. Manushina (Ed.), *Troitse-Sergieva lavra v istorii, kul'ture i dukhovnoi zhizni Rossii: materialy IV mezhdunar. konf. (29 sent. — 1 okt. 2004 g.)* [Trinity Lavra of St. Sergius in the History, Culture and Spiritual life of Russia: Proceedings of International Conference (September 29 — October 1, 2004)] (pp. 314–324). Moscow: Indrik.
- Sukina, L. B. (2015). Ivan Petrovich Bariatinsky (1615–1701): voevoda, diplomat, monakh [Ivan Baryatinsky (1615–1701): Governor, Diplomat, Monk]. In A. V. Korenevsky (Ed.), *Cogito. Al'manakh istorii idei* [Cogito. The Almanac of the History of Ideas] (Vol. 6, pp. 280–293). Rostov-on-Don: Foundation.
- Svirelin, A. I. (1859). Kniaz' Ivan Petrovich Boriatinsky [Prince Ivan Baryatinsky]. *Chteniiia v Obschestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*, 2(5), 33–38.
- Svirelin, A. I. (1860). *Istoriko-statisticheskoe opisanie Pereslavskogo Troitskogo Danilova monastyria* [Historical and Statistical Description of the Pereslavl Trinity Danilov Monastery]. Moscow: Tip. V. Gautier.
- Svirin, A. N. (1926). *Opis' tkanei XIV–XVII vv. b. Troitse-Sergievoi Lavry* [The Inventory of Tissue from the 14th–17th Centuries at Trinity Lavra of St. Sergius]. Sergiev: [s.n.].
- Troitsky, N. I., & Arsenjev, Yu. V. (Eds.). (1888). *Sviatye khramy goroda Tuly* [The Holy Temples of the City of Tula]. Tula: Tul. gub. stat. kom.
- Tsitsinova, O. A. (2006). O nekotorykh ikonakh iz nadgrobnykh ikonostasov Arkhangel'skogo sobora Moskovskogo Kremlia [About Some Icons from the Tombstone Iconostases of the Archangel Cathedral of the Moscow Kremlin]. In S. A. Belyaev, & I. A. Vorotnikova (Eds.), *Pravoslavnye sviatyni Moskovskogo Kremlia v istorii i kul'ture Rossii: K 200-letiiu Muzeev Moskovskogo Kremlia* [Orthodox Shrines of the Moscow Kremlin in the History and Culture of Russia: on the 200th Anniversary of the Moscow Kremlin Museums] (pp. 137–149). Moscow: Indrik.
- Tupikov, N. M. (2005). *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Old Russian Personal Names]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Uspenskij, B. A. (1996). *Izbrannye trudy* [Collected Works] (Vol. 2). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Uspenskij, B. A., & Uspenskij, F. B. (2017). *Inocheskie imena na Rusi* [Monastic Names in Russia]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Vlasova, T. B. (2002). Istoriia formirovaniia ikonostasov Arkhangel'skogo sobora [The History of the Iconography of the Archangel Cathedral]. In N. A. Mayasova (Ed.), *Arkhangel'skii sobor Moskovskogo Kremlia* [The Cathedral of the Archangel in the Moscow Kremlin] (pp. 220–258). Moscow: Khudozhnik i kniga.